
МИХАИЛ АРДОВ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР
ФУТБОЛИСТ
ТОМ 1

Михаил Ардов

Возвращение в СССР: Футболист. Том 1

«Автор»
2026

Ардов М.

Возвращение в СССР: Футболист. Том 1 / М. Ардов — «Автор», 2026

В прошлой жизни я был жестким 55-летним тренером Премьер-лиги. Знал, как ставить тактику, читать игру соперника на три шага вперед и выжимать из игроков максимум. Но инфаркт прямо на бровке оборвал всё.Теперь я в сентябре 1972 года. В теле семнадцатилетнего Юры Котова, протирающего штаны на банке в дубле московского «Спартака». Вокруг — суровый советский футбол, где играют кость в кость, тренеры орут про комсомольский дух, а за спиной плетут интриги партийные чиновники. У меня нет миллионов, агентов и классных бутс. Зато есть опыт и знания из XXI века.У меня два пути: тихо укатиться во вторую лигу или сломать систему. Я заставлю эту эпоху играть в современный прессинг, перепишу историю Евро-72 и докажу всем, кто здесь настоящий король футбола.Внимание! Первая книга масштабного цикла Михаила Ардова «Возвращение в СССР». Мяч в игре!

© Ардов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дислеймер 5
Пролог. Главное сердцебиение 6
Глава 1. Дубовые бутсы и комсомольский задор 7
Глава 2. Черпак из будущего и коммунальный рай 8
Глава 3. На шухере у ГУМа 10
Глава 4. Разговор при закрытых дверях 12
Глава 5. Крещение в Тарасовке 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Михаил Ардов
Возвращение в СССР: Футболист. Том 1

Дислеймер

Дорогой читатель! Перед вами художественное произведение в жанре альтернативной истории. Автор с глубоким уважением относится к советской эпохе, истории отечественного спорта и памяти великих мастеров футбола того времени.

Все возможные хронологические смещения, допущения и появление вымышленных персонажей продиктованы исключительно законами художественного замысла и призваны сделать сюжет более динамичным. Эта книга — дань уважения великому поколению советских спортсменов и попытка взглянуть на любимую эпоху сквозь призму фантастического допущения.

Приятного вам чтения!

Пролог. Главное сердцебиение

— Сядь, Миша. Сядь, не дури, у тебя лицо серое, — Семёныч, мой второй тренер, хватал меня за рукав пиджака, но я его не слышал.

Я орал. Орал так, что закладывало уши. На бровке ревела стотысячная «ВТБ Арена», шёл финал Кубка России, девяносто третья минута. Мой центральный полузащитник, купленный за двенадцать миллионов евро сопливый легионер, вместо того чтобы выбить мяч в аут и потянуть время, решил исполнить финт Зидана. Потеря. Перехват. Контратака в наши ворота.

— Назад! Наза-а-д, тварь! — выплюнул я вместе с легкими.

В груди резко, словно ломом, повернулся калёный штырь. Воздух кончился. Стадион вдруг умолк, картинка перед глазами смазалась, превращаясь в безумное месиво из зелёной травы и белых сполохов фотовспышек. Накатил глухой, ватный покой.

«Инфаркт», — вяло подумал я, падая спиной на холодный пластик тренерской скамейки. Пятьдесят пять лет. Хорошая была карьера. Жаль, Кубок так и не взял…

Глава 1. Дубовые бутсы и комсомольский задор

— Котов! Котов, мать твою, ты спишь там?! Вставай, на выход! Калина сломался!

Резкий, пронзительный крик ударил по барабанным перепонкам. Я судорожно вздохнул, и легкие обожгло густым, въедливым запахом… мази Вишневского, пота и дешёвого одеколона «Тройной». Никакой реанимации. Никаких белых халатов.

Я сидел на жёсткой деревянной скамье, покрашенной тошнотворной зелёной краской. Стены вокруг были выбелены известью, а под потолком тускло горела одинокая лампочка в проволочной сетке.

— Ну! Чего зенки вылупил, Котов?! — передо мной стоял плотный мужик в синем шерстяном костюме с эмблемой «Спартака» на груди. Лицо усатое, красное, в глазах — искренний бабий испуг вперемешку со злостью. — Быстрее, три минуты до свистка, летим «Зениту» ноль-один! Выходи в центр, держи их десятку. Мяч не терять, играть проще! Пошёл!

Меня грубо толкнули в спину. Ноги сработали сами — я поднялся, но чуть не рухнул обратно.

Тело было чужим. Легким, как пушинка, длинным и каким-то… недооформленным. На ногах тяжелели бутсы. Я глянул вниз и обомлел: грубая черная кожа, тупые носы, толстые кожаные шипы на винтах. Такие я видел только в музее отечественного футбола. На мне была пропотевшая х/б футболка густо-красного цвета с белой поперечной полосой и какими-то застиранными трусами на резинке.

«Калина сломался… Летим Зениту…» — мысли ворочались со скрипом. Какие три минуты? Какого судейского свистка?

Я на автопилоте шагнул за усатым мужиком в узкий бетонный коридор, выскочил в проём и зажмурился от ударившего в глаза солнца.

В нос ударил запах настоящей, живой травы и махорки. Огромная чаша стадиона была забита наполовину, но эти тридцать-сорок тысяч человек орали так, словно решалась судьба планеты. Электронного табло не было — на противоположной стороне стоял огромный фанерный щит, где вручную были вывешены фанерные же цифры: **СПАРТАК (дубль) — ЗЕНИТ (дубль) 0:1**.

Мимо меня на носилках пронесли стонущего парня. На беговую дорожку сочно плюнул мужик в сером спортивном костюме и гаркнул:— Котов, на поле! Бегом, кому сказано!

Я перешагнул белую линию и побежал к центру поля. Сердце в груди стучало ровно, мощно, молодо. Ему было не пятьдесят лет, измученных кофе и валидолом. Ему было от силы семнадцать.

«Юра Котов», — всплыло в голове чужое имя. Семнадцать лет. Воспитанник спартаковского дубля. Сентябрь тысяча девятьсот семьдесят второго года.

В этот момент судья в черной глухой форме дал свисток, возвращая мяч в игру после травмы. На меня набегал здоровый, волосатый полузащитник «Зенита».

«Ладно, — зло подумал я, профессиональным тренерским взглядом моментально оценивая хаотичное, абсолютно дворовое расположение игроков на поле. — С хронопутешествиями разберемся потом. Сейчас у меня три минуты. И сливать игру Питеру на глазах у этих трибун я не намерен».

Глава 2. Черпак из будущего и коммунальный рай

Волосатый зенитовец катился на меня, как танк, выставив прямую ногу. В двадцать первом веке за такой прыжок в кость оторвали бы с мясом и выдали прямую красную. Но здесь, в семьдесят втором, арбитр даже свисток к губам не прижал. Суровый мужской футбол.

Я неуловимым, чисто автоматическим движением корпуса качнулся влево, убирая мяч под себя. Зенитовец с грохотом пропахал бедром жесткий, вытоптанный газон Лужников. Мяч послушно замер у моего мыска. Боже, какое же послушное, легкое тело! Никакой одышки, колени не ноют, связки пружинят. Да это же не ноги, это чистый восторг!

Я поднял голову. До конца матча оставалось минуты полторы. Вся наша атака дублёров стояла, как вкопанная. Они ждали, что я по-советски приму мяч, развернусь и отпасую назад защитнику. Шаблонное, предсказуемое мышление.

— Открывайся! — рявкнул я, но мой форвард, длинный и нескладный парень под девятым номером, лишь растерянно захлопал глазами.

«Ладно, сынок, беги, я сам всё сделаю», — зло подумал я.

Из глубины поля на меня уже летели двое защитников в сине-белой форме. Времени на раздумья не было. Я сместился чуть правее и резко, коротким и резким ударом сверху вниз, подсек мяч стопой. Из будущего этот финт назывался «черпак» — мягкий, парашютный заброс за шиворот всей оборонительной линии соперника.

Мяч плавно перелетел через головы ошалевших защитников «Зенита» и идеально, с обратным вращением, упал точно на ход нашему форварду — прямо в одиннадцатиметровую отметку. Вратарь Питера даже дернуться не успел, застыв на выходе.

— Бей, дубина! — заорали трибуны.

Нашему девятому номеру нужно было просто подставить ногу. Ткнуть щечкой в пустой угол. Но парень от такой гениальной передачи парня из будущего так растерялся, что вместо удара споткнулся о собственный шнурок, запутался в ногах и намертво завалился на газон. Мяч лениво укатился за лицевую линию.

Стадион разочарованно выдохнул: «У-у-у-у!». И тут же раздался финальный свисток арбитра. Дубль «Спартака» проиграл 0:1.

Я стоял в центре поля, тяжело дыша, и смотрел на свои дубовые кожаные бутсы. Тактический рисунок игры, который я сейчас увидел, был из каменного века. Скорости низкие, зоны никто не перекрывает, в атаке — сплошной хаос. Работы здесь — непочатый край. Но потенциал у этого тела… просто сумасшедший.

В раздевалке стояла гробовая тишина. Парни угрюмо стаскивали грязные гетры. Наш тренер, тот самый усатый мужик в шерстяном костюме — Валентин Иваныч — ходил между лавками, заложив руки за спину.

Остановившись напротив меня, он смерил меня тяжелым взглядом.

— Котов. Это что сейчас за пижонство было в конце? Что за цирк на конной тяге?

Я удивленно поднял брови:— Я отрезал одним пасом четверых защитников, Валентин Иваныч. Вывел нападающего один на один.

— Ты мне тут не умничай! — Иваныч хлопнул ладонью по столу так, что подпрыгнула банка с мазью. — В спартаковский футбол играешь! Нам кружева нужны, стеночки, забегания! А ты мяч вверх поднимаешь, как в сельской лиге! Еще раз увижу этот твой балет — из дубля вылетишь, на заводе гайки крутить будешь! Комсомолец, называется…

Я промолчал. Спорить с советским тренером старой закалки сейчас было бесполезно. Он просто не знал, что через сорок лет его «стеночки» станут историей, а прессинг и вертикальные забросы будут приносить миллиарды. Ничего, мы это исправим.

Через час я уже ехал в дребезжащем желтом автобусе «ЛиАЗ» в сторону центра. В кармане трико лежали три рубля — всё богатство Юры Котова. Город за окном казался непривычно чистым, без единой рекламной вывески, зато увешанный красными плакатами «Слава КПСС!» и «Выше знамя советского спорта!».

Мой дом оказался старой дореволюционной трехэтажкой на Таганке. Коммуналка на втором этаже встретила меня привычным для этого века запахом жареного лука, старых газет и стирального мыла. Длинный коридор, заставленный сундуками и велосипедами «Орленок».

Я толкнул дверь в свою комнату. На площади в двенадцать квадратных метров стояли две железные кровати с панцирными сетками, платяной шкаф и стол, заваленный какими-то коробками.

На второй кровати, закинув ноги на спинку, лежал парень моих лет с модной кудрявой шевелюрой и в заграничной рубашке. Мой сосед по комнате и по совместительству троюродный брат — Мишка.

Увидев меня, он вскочил, глаза его азартно блеснули.

— Юрка! Ну слава богу, пришел! Короче, дело жизни, — Мишка подбежал к двери, щелкнул замком и вытащил из-под кровати новенький, пахнущий импортным пластиком пакет. — Глянь сюда. Настоящий «Левайс». Из Югославии пацаны привезли. Семьдесят рублей пара! Если толкнем в ГУМе у туалетов — соточку поднимем чистыми. Мне одному соваться стремно, завернут менты. Пойдешь со мной на шухер? С меня четвертак. Для твоего дубля это месячная зарплата, Юр!

Я посмотрел на синие жесткие джинсы с красным ярлычком. В голове пятидесятипятилетнего тренера Михаила Ардова моментально щелкнул калькулятор. Четвертак — это хорошо. Но если меня, перспективного игрока «Спартака», сейчас повяжет ОБХСС за спекуляцию… О футболе можно будет забыть навсегда. С другой стороны, на три рубля в кармане далеко не уедешь.

— Ну чего молчишь, Котов? — Мишка потряс джинсами перед моим носом. — В деле или как?

Глава 3. На шухере у ГУМа

Я смотрел на жесткий синий деним с аккуратной красной этикеткой «Levi's» и чувствовал, как внутри меня борются две сущности. С одной стороны — пятидесятипятилетний Михаил Ардов, прошедший через жесткие девяностые, прекрасно понимал, что без стартового капитала в этой жизни ловить нечего. Советские рубли Юры Котова — это копейки, на которые даже приличные витамины для восстановления после тренировок не купишь. С другой стороны — светить лицом у ГУМа перед оперативниками ОБХСС, имея на руках стопроцентный шанс пробиться в основу «Спартака»… Это был неоправданный риск.

— Ладно, Мишаня, — я вздохнул, хрустнув молодыми пальцами. — Считай, уговорил. Но на саму сделку я не пойду. Буду стоять у фонтана на первой линии. Если замечу шпиков или дружинников с красными повязками — кашляю три раза и ухожу. Ты в этот момент бросаешь товар и делаешь ноги через проходные дворы на Ветошный. Понял?

Мишка азартно сглотнул и часто закивал:— Понял, Юрок! Всё сделаем красиво, комар носа не подточит! Четвертак твой, железно.

Через сорок минут мы уже входили под стеклянные своды Главного универсального магазина страны. В сентябре семьдесят второго года ГУМ напоминал бурлящий, гудящий человеческий улей. Пахло свежевыпеченными вафлями, сыростью и тяжелыми советскими духами «Красная Москва». Очереди тянулись километровые — выкинули дефицитные чехословацкие туфли.

Я занял позицию у знаменитого фонтана в самом центре. Мишка, пряча под мышкой завернутый в помятую газету «Правда» драгоценный пакет с джинсами, закрутился возле входа в знаменитый мужской туалет на цокольном этаже — культовое место встреч московских фарцовщиков всех мастей.

Мой тренерский взгляд из двадцать первого века работал как сканер. Я лениво разглядывал прохожих, но фиксировал каждую деталь. Мужчины в серых безликих костюмах, женщины в накрахмаленных крепдешиновых платьях, пионеры с красными галстуками. Ламповая, сочная ностальгия. Но расслабляться было нельзя.

Прошло пятнадцать минут. Мишка уже о чем-то шептался с длинным, пижонистого вида парнем в замшевой куртке. Покупатель нервно оглядывался, судорожно проверяя внутренний карман. Дело шло к финалу.

И тут со второй линии ГУМа, плавно огибая палатку с мороженым, показались двое.

Они были одеты в обычные гражданские плащи, но их выдавала выправка. Слишком цепкие, тяжелые взгляды, сканирующие толпу. Один из них — постарше, с короткой стрижкой ёжиком и глубоким шрамом над левой бровью — шел чуть впереди. Второй, помоложе, держал руку в кармане плаща, явно сжимая там рацию или удостоверение.

«ОБХСС. Или чекисты, — мгновенно похолодело у меня в животе. — И идут они целеустремленно прямо к туалетам».

— Кхм-кхм! Кхм! — я громко, отчетливо кашлянул три раза, повернувшись в сторону Мишки.

Брат услышал. Его глаза округлились. Но вместо того чтобы по моему плану технично свернуть сделку и раствориться в толпе, Мишка запаниковал. Он резко выхватил у покупателя пачку десятирублевых купюр, сунул ему в руки джинсы и бросился наутек вверх по лестнице на вторую линию. Пижон в замшевой куртке от неожиданности выронил «Правду», и синий деним сиротливо вывалился прямо на мраморный пол.

— Стоять! Милиция! — рявкнул тот, что постарше со шрамом, мгновенно срываясь на бег.

Младший оперативник бросился наперерез Мишке, угадывая его траекторию. Брат летел по переходу второй линии, сбивая с ног удивленных советских граждан. Его зажали бы через тридцать секунд — наперерез из сектора «Галантерея» уже выходили двое дружинников с повязками.

«Черт с тобой, дурак», — выругался я про себя.

Я сорвался с места. Молодое спартаковское тело Юры Котова выдало такой стартовый рывок, какой я в своей прошлой жизни видел только у лучших форвардов Премьер-лиги. За секунду я преодолел расстояние до лестницы, взлетел по ступеням, срезая угол, и оказался на второй линии ровно в тот момент, когда молодой шпик протянул руку, чтобы схватить Мишку за шиворот.

Я не мог бить его — это была бы чистая уголовка. Поэтому я использовал профессиональный футбольный прием. Мощный, жесткий, но абсолютно чистый подкат плечом в плечо на максимальной скорости.

Корпус в корпус!

Оперативник весом под восемьдесят килограммов от моего тарана отлетел в сторону, глухо приложившись спиной о дубовую витрину с надписью «Головные уборы». Мишка, тяжело дыша, проскочил мимо.

— За мной, быстро! — скомандовал я брату, хватая его за рукав.

Мы нырнули в боковой технический коридор для персонала, мимо удивленной женщины в белом халате, разгружавшей коробки, и через служебный выход вывалились в темный, прохладный Ветошный переулок. За спиной со стороны ГУМа уже доносились пронзительные свистки милиции.

Мы бежали дворами в сторону Китай-города минут десять, пока легкие Мишки не начали свистеть, как неисправный паровоз. Мы забились в глухой спасительный тупик между старыми кирпичными домами. Брат рухнул на корточки, жадно глотая воздух и прижимая к груди смятые рубли.

— Ю-Юрок… Ну ты дал… Ты его просто снес… — сипел он, вытирая пот со лба. — Если бы не ты… мне бы треху впаяли, как пить дать.

Я стоял, прислонившись к кирпичной стене, и прислушивался к своим ощущениям. Пульс быстро приходил в норму. Физика у этого тела была феноменальной. Но радоваться было рано. Вспышка адреналина сошла, и внутри снова включился холодный ум пятидесятилетнего тренера.

— Деньги спрячь, — сухо бросил я. — И джинсы твои там остались. У шпиков.

— Да хрен с ними, с джинсами, главное — не повязали! — Мишка протянул мне дрожащей рукой несколько купюр. — Вот, тут тридцать пять рублей. Твои честные. За шухер и за спасение.

Я взял хрустящие советские бумажки с изображением Ленина. Деньги были не лишними, но на душе было паршиво.

«Тот оперативник со шрамом, — вертелось у меня в голове воспоминание. — Он ведь стоял внизу у фонтана. И он точно видел мое лицо, когда я кашлял. Лицо Юры Котова, полузащитника дубля московского "Спартака", чьи фотографии уже висят на доске почета в клубе».

Вечер опускался на Москву. Завтра утром меня ждала важнейшая тренировка основы, куда меня обещал вызвать Валентин Иваныч после сегодняшнего матча. Но предчувствие внутри говорило мне, что вместо футбольного поля завтра меня может ждать совсем другое место. И совсем другие люди в строгих серых костюмах.

Глава 4. Разговор при закрытых дверях

Всю ночь мне снились футбольные поля, плавно переходящие в длинные коридоры Лубянки. Проснулся я без будильника, ровно в шесть утра. Молодое тело Юрки Котова восстанавливалось с фантастической скоростью, но тяжесть в голове никуда не делась. На соседней кровати, завернувшись в байковое одеяло, безмятежно посапывал Мишка. Свои шальные тридцать пять рублей я спрятал на самое дно чемодана, под старые шерстяные трико. Деньги пахли опасностью, но возвращать их было поздно.

Уже через час я входил на территорию базы в Тарасовке. Сентябрьский воздух был морозным, утренний туман лениво стлался по идеально выкошенному зеленому газону. База «Спартака» в семьдесят втором году казалась мне, человеку из эпохи ультрасовременных стадионов и спа-комплексов, почти спартанской. Простенький двухэтажный корпус, деревянные трибуны, запах свежей краски и старых спортивных матов. Но здесь ковалась история.

— Котов! — окликнул меня у входа администратор команды, пожилой дядя Саша, разбиравший коробку с новыми шерстяными гетрами. — К Николаю Петровичу дуй. Прямо сейчас. Он у себя.

Сердце внутри сделало короткий, нехороший кувырок. Николай Петрович Старостин — отец-основатель «Спартака», легенда, человек, чье слово в советском футболе весило больше, чем приказы некоторых министров. Если меня вызывают к нему до начала общей тренировки — дело дрянь.

Я поднялся на второй этаж, подошел к массивной дубовой двери и негромко постучал.

— Да-да, войдите, — донесся глуховатый, спокойный голос.

Я толкнул дверь и зашел в кабинет. Николай Петрович сидел за большим письменным столом, заваленным спортивными газетами, какими-то ведомостями и графиками матчей. Строгий, подтянутый, с проницательным взглядом умных глаз из-под седых бровей. Напротив него в глубоком кожаном кресле сидел человек в сером гражданском плаще. Капюшон был откинут.

У меня внутри всё окончательно заледенело. Короткая стрижка ёжиком и глубокий, побелевший от времени шрам над левой бровью. Вчерашний оперативник из ГУМа.

— Вызывали, Николай Петрович? — я постарался, чтобы мой голос прозвучал максимально спокойно, по-советски уважительно, без тени страха. Пятидесятипятилетний тренерский опыт помогал держать маску даже в самые патовые моменты.

— Проходи, Юра, садись, — Старостин указал на свободный стул рядом со столом. — Вот, познакомься. Капитан госбезопасности Сухов, Игорь Владимирович. У него к тебе есть несколько очень серьезных вопросов.

Капитан Сухов медленно повернул ко мне голову. Его цепкий взгляд скользнул по моему лицу, задержался на плечах и опустился к рукам. На губах чекиста появилась едва заметная, холодная усмешка.

— Ну здравствуй, товарищ Котов, — тихо произнес Сухов, доставая из кармана плаща пачку сигарет «Ява». — Куришь? Ах да, ты же спортсмен, надежда спартаковского дубля. Николай Петрович вот за тебя ручается, говорит — парень талантливый, комсомолец. А я вот вчера в Главном универсальном магазине одного гражданина задерживал за незаконные валютные операции и спекуляцию дефицитным товаром. И этот гражданин, Юра, подозрительно напоминал твоего троюродного брата, Михаила.

В кабинете повисла тяжелая, звенящая тишина. Старостин молчал, внимательно наблюдая за мной, и в его глазах я заметил глубокую, искреннюю тревогу за судьбу молодого игрока.

— Я вчера после матча сразу поехал домой, Игорь Владимирович, — твердо ответил я, глядя капитану прямо в глаза. — С Мишкой мы живем в одной комнате, это правда. Но чем он занимается в свободное время, я не знаю. Мое дело — футбол. Тренировки два раза в день.

Сухов подался вперед, положив локти на стол. Шрам над его бровью слегка покраснел.

— Футбол, говоришь? Это хорошо. Только вот младший лейтенант Воронов, мой сотрудник, вчера получил сильнейший ушиб грудной клетки. Кто-то на второй линии ГУМа снес его профессиональным, чистейшим корпусом. Так, как умеют делать только тренированные спортсмены. Воронов утверждает, что это был ты, Котов. Кашлял у фонтана, подавал знаки, а потом пошел на таран. Знаешь, что это такое? Это соучастие в спекуляции и нападение на сотрудника органов при исполнении. Пять лет общего режима, Юра. Прощай, мяч, прощай, «Спартак».

Я почувствовал, как спина под хб-футболкой стала мокрой. Пять лет лагерей в 1972 году — это жирный, окончательный крест на моей новой жизни, на футболе и на всём, ради чего я получил этот чертов второй шанс. Нужно было выворачивать ситуацию здесь и сейчас. И я решил рискнуть, включив весь свой цинизм и аналитику из двадцать первого века.

— Игорь Владимирович, — я чуть понизил голос, убирая из него тон испуганного пацана. — Если бы ваш лейтенант Воронов умел читать игру хотя бы на два шага вперед, он бы не ловил воздух спиной. Он бежал по переходу, не глядя по сторонам, и просто врезался в меня, когда я выходил из секции головных уборов. Это был несчастный случай, столкновение в толпе. А насчет Мишки… Я не знаю, что у него нашли. Но если бы вы действительно хотели меня посадить, за мной приехали бы в казарму в шесть утра с конвоем. А раз вы сидите здесь, у Николая Петровича, значит, вам от меня нужно что-то другое.

Сухов на секунду замер с неподкуренной сигаретой в руках. В его глазах впервые промелькнуло не тщеславие сыщика, а глубокое, искреннее удивление. Семнадцатилетние советские пацаны так не разговаривали с капитанами КГБ. Они обычно дрожали, плакали и сдавали всех по первому требованию.

Старостин тихо кашлянул в кулак, пряча набежавшую улыбку.

— А парень-то у нас с характером, Николай Петрович, — Сухов медленно убрал сигареты обратно в карман. — Зрело мыслит. Хладнокровно. Это мне в людях нравится. Ладно, Котов, давай начистоту. Твой брат Мишка — мелкая сошка. Нам интересен не он, а тот, кто снабжает его этими югославскими куртками и джинсами. Там каналы идут через дипломатический корпус и внешторг. Серьезные люди.

Чекист поднялся с кресла, подошел к окну и посмотрел на утренний туман, рассеивающийся над полем.

— Через две недели молодежная сборная СССР, куда тебя, кстати, рекомендовал Валентин Иваныч после твоего вчерашнего паса, летит в Париж на товарищеский турнир. С вами в делегации поедут люди из министерства. Нам нужно, чтобы в Париже ты кое за кем присмотрел. Кое-что послушал, кое-что запомнил и по возвращении доложил мне лично в этом же кабинете. Взамен я забуду про вчерашний ГУМ, а твой брат Мишка отделается легким испугом и штрафом по комсомольской линии. Ну что, Юра? Сыграем в одной команде? Или продолжим изучать уголовный кодекс?

Я посмотрел на Николая Петровича. Старостин едва заметно кивнул мне, давая понять: соглашайся, Юрка, другого выхода у нас сейчас нет.

— Я согласен, Игорь Владимирович, — ответил я, поднимаясь со стула. — Но у меня есть одно условие. На поле я играю только в футбол. Никаких шпионских игр во время матчей. Моя голова должна быть занята победой сборной СССР.

— Договорились, — Сухов подошел ко мне и крепко, по-мужски пожал мою руку. Ладонь у него была жесткой, как наждак. — Готовься к тренировкам, Котов. В Париже нам нужна только победа. И на поле, и за его пределами.

Когда за чекистом закрылась дверь, Николай Петрович Старостин тяжело вздохнул, подошел ко мне и положил руку на плечо.

— Ну и в переплет же ты попал, Юрка… — тихо сказал он. — Но держишься молодцом. Иваныч мне про твой вчерашний «черпак» все уши прожужжал. Ругался, плевался, но признал — пасс был гроссмейстерский. Сегодня тренируешься с основным составом. Там Ловчев, там Хусаинов. Покажи им всё, на что способен. А с КГБ… с КГБ мы еще повоюем. Иди на поле, Котов. Мяч ждет.

Глава 5. Крещение в Тарасовке

Свежий утренний воздух Тарасовки пах прелой листвой, мокрой травой и чем-то неуловимо спокойным, настоящим. Но когда я спустился из кабинета Николая Петровича и вышел к главному тренировочному полю, весь этот пасторальный покой моментально улетучился.

На газоне уже разминалась основа московского «Спартака».

У меня, пятидесятипятилетнего мужика, видевшего вживую финалы Лиги чемпионов и тренировавшего звезд с зарплатами в миллионы евро, вдруг защемило под ложечкой. Вот он — Галимзян Хусаинов, невысокий, кряжистый, но быстрый, как ртуть. Вот Евгений Ловчев с его фирменной шевелюрой и сумасшедшей заряженностью на борьбу. Вот Василий Калинов, Александр Прохоров. Живые легенды, чьи фамилии я в детстве знал наизусть по черно-белым открыткам.

Сейчас они были молодыми, злыми до побед мужиками, которые смотрели на меня, семнадцатилетнего пацана из дубля, с плохо скрываемым скепсисом.

— О, гляньте, кого принесло! — громко бросил один из защитников основы, здоровый, плечистый парень по фамилии Абрамов, вытирая пот со лба. — Котов! Это ты вчера в Лужниках мячик в небеса запускал, как на сенокосе? Смотри, пацан, у нас тут не цирк. Ноги оторвем — и фамилию не спросим.

Парни вокруг негромко засмеялись. Обычная армейская или спортивная проверка «на вшивость». В любой раздевалке мира новичка сначала пробуют на зуб.

— Я в цирке не работаю, — спокойно ответил я, завязывая шнурки на своих дубовых бутсах. — Я в футбол играю. А насчет ног — попробуй догони сначала.

Абрамов нахмурился, его желваки заходили. Дерзости от сопливого дублера здесь не терпели.

В этот момент на бровку вышел главный тренер основы — Никита Павлович Симонян. Подтянутый, интеллигентный, но с жестким, цепким взглядом человека, который прошел через всё. Рядом с ним стоял мой знакомый усатый тренер дубля Валентин Иваныч, который явно уже успел доложить шефу о моих вчерашних выкрутасах.

— Так, закончили разминку! — громко, но без крика скомандовал Симонян. — Делимся на две команды. Сегодня двухсторонка. Играем жестко, в темпе, как против киевлян в кубке. Котов! — Никита Павлович посмотрел прямо на меня. — Надеваешь зеленую манишку. Играешь в центре полузащиты против основы. Покажи, чему тебя в дубле научили.

Я натянул застиранную зеленую манишку поверх красной спартаковской футболки и вышел в центр поля. В моей команде оказались резервисты и пара игроков из дубля, которых тоже подтянули для количества. Против нас вышла почти вся боевая основа «Спартака» с Ловчевым и Хусаиновым на острие.

Свисток!

Основа сразу забрала мяч. Советский футбол 1972 года был красивым, техничным, но с точки зрения современного тренера — ужасно медленным. Игроки подолгу возились с мячом, делали по три-четыре лишних касания, перекатывали его поперек поля, выискивая те самые «стеночки».

«Ну-ну, классика», — усмехнулся я про себя.

Когда мяч дошел до моего «старого знакомого» защитника Абрамова, тот неторопливо поднял голову, собираясь отдать длинный пас на фланг. В этот момент я включил то, чего в семьдесят втором году в СССР еще не существовало как системы — **гегенпрессинг**. Мгновенный, удушающий коллективный отбор сразу после потери мяча.

— Давим! Все вперед! — рявкнул я своим пацанам из резерва, на секунду забыв, что я не на тренерской бровке в 2026 году, а семнадцатилетний юниор на поле.

Я рванул на Абрамова на максимальной скорости, перекрывая ему линию паса направо. Мой правый полузащитник, на автомате подчиняясь властному тренерскому окрику, перекрыл центр. Абрамов дернулся влево — но там уже висел на плечах наш форвард.

Защитник основы растерялся. У него не было привычных трех секунд на раздумья! Он запаниковал, ткнул мяч наугад вперед, и я в эффектном, чистом выпаде перехватил передачу в одно касание.

— Вперед! Открывайся в зону! — снова гаркнул я, уже видя всю геометрию поля как на тактической доске.

Я не стал возиться с мячом. Одно касание — жесткий, низовой, «разрезающий» пас между двумя центральными защитниками основы прямо на ход нашему крайнему нападающему. В двадцать первом веке такие передачи называли «ассистами в стиле Де Брюйне». Мяч прошил оборону «Спартака», как нож масло.

Наш форвард вывалился один на один с вратарем Прохоровым, растерялся от такого подарка, но все-таки коряво ткнул мяч мимо голкипера в сетку.

1:0 в пользу резерва!

На поле повисла ошарашенная тишина. Игроки основы переглядывались, не понимая, что только что произошло. Их раскатали за четыре секунды, даже не дав потрогать мяч.

Абрамов со злости сплюнул на траву.

— Ну всё, щенок, доигрался, — процедил он сквозь зубы, когда мы снова расходились к центру поля. — Сейчас я тебе покажу, как в высшей лиге играют.

Через две минуты мяч снова оказался у меня. Я принял его спиной к чужим воротам. Боковым зрением я увидел, как Абрамов несется на меня на всех парах. Он не собирался отбирать мяч. Он шел прямо в опорную ногу, шипами вперед — классический советский прием «встретить на бедро и отправить в лазарет на месяц».

В 1972 году это прокатило бы. Но внутри меня сидел человек, знавший биомеханику движения до миллиметра.

За долю секунды до столкновения я не стал убирать мяч в сторону, как ждал Абрамов. Я резко подпрыгнул на обеих ногах, зажав мяч между стопами (старый добрый финт «радуга» в упрощенном варианте), пропустил летящего как паровоз защитника под собой и мягко приземлился на газон уже за его спиной.

Абрамов по инерции пролетел мимо, зацепился шипами за дерн и с громким, позорным матом рухнул лицом в грязь прямо перед скамейкой, где стоял Никита Павлович Симонян.

На этот раз засмеялась вся база. Даже суровый Ловчев не выдержал и хлопнул себя по коленям:— Ну, Абрам, ты дал! Полетел, как фанера над Парижем!

Я подхватил мяч и продолжил атаку, отдав еще один точный пас на фланг. Свисток Симоняна остановил игру.

Никита Павлович медленно вышел на поле. Вся команда замерла. Тренер подошел ко мне, окинул взглядом с ног до головы — мокрого, запыхавшегося, но стоящего с прямой спиной и уверенным, абсолютно взрослым взглядом.

— Котов, — тихо сказал Симонян так, чтобы слышали все. — Откуда ты это взял? Кто тебя учил так играть в одно касание и в отбор идти всей линией?

— Сам додумался, Никита Павлович, — скромно ответил я, пряча ухмылку. — Журналы спортивные читаю, анализирую. Футбол ведь быстрее становится. Кто первый мяч забрал и быстрее вперед отдал — тот и победил.

Симонян задумчиво потер подбородок, потом перевел взгляд на усатого тренера дубля:— Валентин Иваныч, забирай свои вещи из дубля. Точнее, вещи Котова забирай. С завтрашнего дня он тренируется и живет на базе с основным составом. В воскресенье играем против «Торпедо». Включишь его в заявку на матч. И вот еще что… — Никита Павлович снова посмотрел

на меня с легким прищуром. — После обеда зайдешь ко мне в кабинет. Расскажешь подробнее про этот свой… коллективный отбор. Уж больно красиво вы Абрамова в коробочку зажали.

Я кивнул:— Будет сделано, Никита Павлович.

Когда тренировка закончилась и мы пошли в раздевалку, ко мне подошел сам Евгений Ловчев. Протянул тяжелую, мозолистую руку.

— Здорово ты нас, Юрка. Без обид за слова Абрама, он мужик прямой, но отходчивый. Если в воскресенье против «Торпедо» так же пасовать будешь — мы им полную авоську накидаем. Пошли в душ, основа ждет.

Я пожал ему руку, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло. Первый барьер взят. Я больше не сопливый дублер. Я в основе великого клуба.

Но когда я зашел в раздевалку и открыл свой шкафчик, улыбка мгновенно сползла с моего лица. На верхней полке, прямо поверх моих чистых гетр, лежал сложенный вчетверо листок серой бумаги. Без подписи. На нем печатными буквами было выведено всего три слова:

«ПОМНИ О ПАРИЖЕ».

Капитан Сухов из КГБ не давал мне расслабиться ни на секунду. Игры закончились. Начиналась настоящая большая политика и большой футбол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.